Стенька Разин и государь

Стенька Разин жил в Жигулевских горах со своими товарищами. Они останавливали на Волге судна казенные, и было даже так, что ездили на лодках прямо по степи до села Борковки. Когда Стенька ушел из этих мест, то свою лодку он зарыл в землю, которую никак не могут отрыть и до сих пор: она в руки никому не дается. Был один такой борковский мужик, который хотел найти клады, зарытые вместе с лодкой, — его отбросило ветром на берег. От испуга он захотел водицы испить и пошел к роднику, выпил, сгоряча-то, целых три ковшика да после этого и заболел. Целых три года он болел да так и умер (а все хотел деньги с лодкой достать, а они не даются в руки).

Ну вот, бывало, по Волге идет большая расшива из Астрахани стречь воды — вверх, а по берегу тянут ее на своих согнутых спинах восемьдесят бурлаков. Целых двести пудов груза приходилось на каждого бурлака. Шли эти бурлаки днем и ночью, без отдыха почти, на переменках. Доходили они по Волге и до наших мест — Жигулевских гор. Если придут сюда ночью бурлаки, то их никто не увидит, и они проходили свободно, а если днем, то останавливали. Спрашивали с них денег, хлеба, пшена, посуды, —все подавай, что нужно! А если лоцман не даст денег, то Стенька пошлет расшиву с Волги прямо в поле по буеракам. Ну, лоцман видит, что дело плохо у него: расшива сидит не на воде, а на земле, и давай тогда просить: «Выведи меня, Стенька, Христа ради, на свое место, в Волгу, мое теперь дело шабаш, разорился я, дело казенное!»

Много таких случаев бывало на Волге, жаловались на Стеньку, эти жалобы доходили до государя.

— Как нам быть, чтобы остановить Стеньку и судна мои не останавливал? — говорит государь. — Что это за Стенька? Давайте мне его, представьте его сюда!

Ну, вот и поймали Стеньку самого и привели его государю:

— Ты будешь Степан Разин?

— Да, я, ваше царское величество!

— Какой хитростью ты можешь это дело делать — пущать мои судна с Волги, прямо по земле, по буеракам в поле? Ты можешь крест снять с церкви Ивана Великого? — говорит государь.

— Могу, — говорит Стенька.

— И представить его мне можешь в натуре?

— Могу, — говорит.

— И никто тебя не может увидеть? — спрашивает государь.

— Видит-то видит, но только не все, а мой только меньшой брат, — отвечает Стенька.

Меньшой брат здесь стоял неподалеку, и Стенька ему в это время и сказал:

— Ты, меньшой брат, если что и увидишь, то все равно молчи, никому не говори. — И сказал так, что их никто не увидел, никто не услышал.

А государь-то и думает: «Кто же это его, Стеньку, видит? Какой это у него меньшой брат?»

— Я поставлю две роты солдат, — говорит государь.

— Поставь, — говорит Стенька, — все равно не увидят!

Пришли к церкви Ивана Великого. Стенька залез на колокольню, встал на крестовины, уперся в них и снял крест, положил его под мышку и стал спускаться вниз, а государь ему кричит оттоль:

— Поставь крест опять на место!

Стенька, не долго думая, вынул крест из-под мышки, надел на замок и поставил на свое место.

— Ну, теперь слезай, Стенька, с колокольни! — говорит государь. И слез Стенька на землю, и его так никто и не видел.

— Дать ему волю! — говорит государь. — Иди теперь, Стенька, куда хочешь; бери себе сколь угодно народу, но только мои судна на Волге не останавливай; казенные вещи, Стенька, ты не трогай, мои судна примечай, они будут с орлами! — сказал государь.

— Ну, а если будет война, — говорит Стенька, — я тебе могу помочь дать!

— Нет, — говорит государь, — пока не надо, своею кровью подеремся.

Так с тех пор и не пришлось Стеньке свою помощь дать государю. И ушел тогда Стенька со своим народом. Все, что тогда из острогов народ бежал, все это Стенькин народ был. Тогда здесь по этим Жигулевским горам сот пять было народу, бежавших солдат с ружьями (ведь служба солдатская тогда была двадцать пять лет — они с того и убегали).

Ну вот, жили они у нас в Жигулевских горах смирно и хорошо... Только на Волге когда останавливали расшивы богачев; с тех пор сюда прибегали и другие солдаты с ружьями; их стало много, и в горах им стало тесно жить; ходили они часто и голодные, без хлеба, и грабить начали где попало. Нажнут, бывало, бабы ржи или пшеницы — они приходят за хлебом и просят кусочек. Одежонки им не надо — только хлеба кусочек.

Бабы стали бояться. «Пусть лучше, — говорят, — сами с голоду останемся, а им надо дать!»

И давали. «Не трог, пусть съедят, Бог с ними, лишь бы нас не трогали!»

Ну, ближнее начальство узнало разбойников. «Переловить, — говорят, — их надо. Что на них смотреть!» Стенька Разин после этого скрылся от них, и разбойники даже не могли без него прокормиться. С тех пор и стали ловить разбойников и переловили. И пошла тогда тишина: не стали останавливать суда. И когда приводили к государю пойманных разбойников, то захотелось ему узнать, как они живут.

— Чем вы кормитесь? — спросил государь.

— Чем? — отвечают разбойники. — А у нас три камня есть. Первый камень облизнули — все станем сыты. Второй камень — в любые магазины зайдем и никто нас не заметит; пятнадцать или двадцать человек сразу войдут и никто их не видит. Третий камень облизнут — на всякие языки догадаются; все, что говорят между собой и звери и птицы на ихнем языке, всякая птица, кошка, мышка, пчела или шмель, и змея — все понимают и догадаются.

(Зап. от И. С. Стрельникова, 82 лет, в с. Бахилово, в Самарской Луке Куйбышевской области в 1935 г.)

Волжский фольклор / Сост. В. М. Сидельников, В. Ю. Крупянская. С предисл. и под ред. Ю. М. Соколова. М., 1937.